

**Доклад на советско-японском симпозиуме
«Социально-экономическое развитие России
и Японии от реформ до Первой мировой войны»
(Япония, г. Токио, 1989 г.)**

Основные тенденции аграрного развития Европейской России
во второй половине XIX — начале XX в.¹

Изучение аграрного строя в России в период от отмены в 1861 г. крепостного права и до 1917 г., т. е. в эпоху капитализма, также как и исследование в целом социально-экономического развития страны в это время, принадлежит к числу наиболее актуальных проблем советской историографии и не только советской, но и зарубежной. Это обусловлено тем, что именно это развитие оказывало определяющее воздействие на другие сферы общественной жизни. Здесь особенно важно то, что без знания основных черт и особенностей социально-экономического прогресса невозможно понять предпосылки трех российских революций (1905—1907 г.; февральской 1917 г. и октябрьской 1917 г.), сконцентрированных на предельно кратком в историческом плане отрезке времени. Последнее само по себе представляет особый интерес для историков, ибо открывается возможность проникнуть в самые сложные проявления общественно-исторического процесса.

В данном случае нет возможности, да и необходимости, характеризовать итоги изучения советскими историками аграрного строя России в рассматриваемое время. Отметим лишь, что многие черты этого строя еще далеко не изучены должным образом, что, естественно, приводит к различным мнениям и вызывает споры.

Длительное время в центре внимания ведущихся дискуссий был вопрос об общем характере аграрного строя в конце XIX и начале XX в. Одни исследователи утверждали, что в этом строе при в целом буржуазном направлении его развития вплоть до 1917 г. преобладали полуфеодалные отношения. Они прежде всего выражались в сохранении сословного характера крестьянского и дворянского землевладения. Первое из них было исключено из свободного товарного оборота земли, носило в большинстве местностей Европейской России общинный и в очень большой степени уравнилительный характер. Помещичье, прежде всего дворянское землевладение имело привилегированный характер и пользовалось поддержкой и защитой самодержавного государства. Концентрация помещиками большого количества лучших земель (30 тыс. привилегированных латифундистов владели 70 млн деся-

тин земли) и малоземелье крестьян (10,5 млн беднейших крестьянских хозяйств имели 75 млн десятин)* обусловили широкое применение в помещичьем хозяйстве полукрепостнической, так называемой отработочной системы, когда, как и при крепостничестве, крестьянин обрабатывал в помещичьем хозяйстве со своим инвентарем и рабочим скотом стоимость аренды земли, различные ссуды и т. д. Отработочная система и другие пережитки консервировали сохранение в деревне экономического и другого гнета помещиков над крестьянами и тормозили превращение их в свободных товаропроизводителей, втягивающихся в буржуазные отношения.

Все указанные явления, наиболее обстоятельно изученные историками, действительно имели место и тормозили утверждение аграрного капитализма.

Однако это, как считают другие историки, не могло воспрепятствовать утверждению в начале XX в. в крестьянском и помещичьем хозяйстве буржуазных отношений, хотя и в неразвитых формах. Это, как показано на основе анализа (в том числе и математическими методами) различных массовых статистических данных, выражалось в том, что функционирование и развитие крестьянского и помещичьего хозяйства было подчинено законам капиталистического производства (законы стоимости, конкуренции, средней нормы прибыли). Однако еще предстоит большая работа по полному анализу этих данных и выяснению особенностей и темпов утверждения буржуазных отношений в различных районах страны и в различные периоды пореформенной эпохи.

Все советские историки усматривают основные противоречия в аграрном развитии в противоречиях между потребностями буржуазного прогресса и сохранением крепостнических пережитков. Необходимость устранения этих пережитков и была одной из основных предпосылок буржуазно-демократической революции, хотя конкретная острота противоречий еще не раскрыта в полной мере.

Наконец, наименее изученной в конкретно-историческом плане является типология буржуазной аграрной эволюции. А между тем без выявления типов буржуазного аграрного развития и связанных с ними противоречий невозможно понять в полной мере предпосылок российских революций.

Анализу типов или путей буржуазной аграрной эволюции и присущих ей противоречий и посвящен настоящий доклад. Этот анализ ограничивается территорией Европейской России. Это обусловлено тем, что, во-первых, социально-экономическое развитие Европейской России оказывало определяющее воздействие на всю страну и, во-вторых, только по Европейской России имеется достаточно цельный комплекс конкретно-исторических данных.

* См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 148.

Конкретно-фактической основой для решения указанной задачи послужили прежде всего данные сельскохозяйственной статистики, собранные Центральным статистическим комитетом и содержащиеся в различных публикациях и архивных фондах*.

Обработка и анализ использованных данных потребовали применения наряду с традиционными и математико-статистических методов. В плане методическом наибольший интерес здесь представляет попытка применения методов имитационно-прогностического моделирования.

* * *

Вопрос о двух путях буржуазной аграрной эволюции, как известно, был поставлен и широко освещен В.И. Лениным на основе конкретного и фундаментального изучения хода аграрного развития России и других стран. Суть двух путей состояла в следующем. «Буржуазное развитие, — писал В.И. Ленин, — может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными... оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы называли бы путем прусского и путем американского типа»**.

Объективно-возможными были лишь два пути буржуазной аграрной эволюции (в их различных вариантах) в силу того, что формы организации сельскохозяйственного производства, предшествующие капитализму, исчерпывались крупным помещичьим (или рабовладельчески-плантационным, как было на юге США) и мелким крестьянским хозяйством. Естественно, что победить мог лишь один из этих путей. И, хотя оба они представляли собой типы прогрессирующего аграрного развития, условия этого прогресса, особенно в период утверждения аграрного капитализма, были существенно различными. Развитие по прусскому пути характеризовалось максимальным сохранением «помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации». Американский путь обеспечивал «в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»***.

* Источниковедческая характеристика сельскохозяйственной статистики и других материалов о крестьянском и помещичьем хозяйствах дана в работе «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма». М., 1979. Гл. 5—9.

** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 215—216.

*** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 216. См. также с. 230.

Победа того или иного из двух путей определялась в плане экономическом соотношением в сельскохозяйственном производстве помещичьего и крестьянского хозяйства и их производственно-техническим уровнем, а в плане социально-политическом — расстановкой и активностью классов и общественно-политических сил, отстаивающих тот или иной из путей. При наличии объективно-исторических предпосылок развитие по прусскому пути могло быть обеспечено реформами, проводимыми государством, выражающим интересы помещиков, а по американскому пути — в результате победы буржуазно-демократической революции, устраняющей все крепостнические пережитки и, прежде всего, их основу — дворянско-помещичье землевладение. Поэтому первый из этих путей был реформистским, а второй — революционным.

Борьба двух путей буржуазно-аграрной эволюции могла иметь место везде, где соседствовали помещичье и крестьянское хозяйство. Практически, как известно, к началу XX века почти везде в Европе и Северной Америке победил один из двух путей. Важнейшей исторической особенностью России было то, что острейшая борьба двух путей буржуазной аграрной эволюции, развернувшаяся со времени отмены крепостного права вплоть до 1917 года, так и не привела к победе того или иного из них. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего следует указать на то, что в целом в Европейской России в течение всей эпохи капитализма господствующее положение в сельскохозяйственном производстве занимало крестьянское хозяйство. Так, в основной отрасли этого производства, то есть в земледелии, в 50-х годах XIX в. на долю помещиков приходилось 21,9 % всех посевов, а в 1916 г. — 11,3 %*. Таким образом, роль помещичьего хозяйства в земледельческом производстве была не только незначительной, но и существенно сократилась в эпоху капитализма.

Важные изменения произошли и в соотношении на рынке крестьянского и помещичьего хлеба. Если, как показывают расчеты, в середине XIX в. помещики производили немногим более половины товарного хлеба, то в конце эпохи капитализма — лишь примерно пятую часть**.

Аналогичным было положение и в сфере скотоводства. Так, на долю частновладельческого (помещичьего по своим размерам) хозяйства приходилось лошадей в 1900 г. — 15,3 %, а в 1916 г. — 6,2 %, а всего скота соответственно по 17,9 % и 5,7 %***.

Естественно, соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в различных регионах было неодинаковым, как и разными

* См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 182.

** Там же. С. 188—190.

*** Там же. С. 187.

были темпы падения доли помещичьего хозяйства в различные периоды времени.

Помещичье хозяйство было наиболее широко распространено в западных районах страны (Эстония, Латвия, Литва, западные губернии Белоруссии и Украины). В начале XX в. большая часть товарного хлеба производилась здесь помещиками*.

В западных районах доля помещичьих посевов не только была наиболее высокой, но и сократилась в наименьшей мере в указанный период (с 32—38 % до 24—28 %). Наиболее стремительно помещичьи посевы сокращались в Северо-Западном и Центральном промышленном районах, т. е. в самой промышленной полосе страны (с 13—16 до 4 %).

Существенным является и то, что в начале XX в., когда развитие аграрного капитализма достигло наиболее высокого уровня и в помещичьем и в крестьянском хозяйстве, падение доли помещичьего хозяйства в земледельческом производстве происходило значительно интенсивнее, чем во второй половине XIX в. Так по данным 19 губерний среднегодовое сокращение помещичьих посевов составило в период с 50-х годов XIX в. до 1906 г. менее 0,5 %, а в 1906—1913 гг. — более 2 %, а в 1913—1916 гг. — более 7 %.

Низкий удельный вес и стремительное падение роли помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве объективно экономически исключали возможность победы аграрного капитализма в его помещичьем варианте, интересы общественного прогресса требовали расчистки препятствий для успешного развития хозяйства крестьянского.

Господствующее положение крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве к моменту крестьянской реформы 1861 года было обусловлено особенностями аграрного развития России в эпоху феодализма. Важнейшая из них состояла в широком распространении системы государственного феодализма. Как известно, даже во многих районах Европейской России (прежде всего северных, восточных и южных ее окраинах) государственные крестьяне составляли подавляющую часть сельского населения, не знавшего помещичьего гнета, ибо в государственной деревне отсутствовало помещичье хозяйство.

Далее, общинный строй даже в помещичьей деревне при всей ограниченности возможностей к уравнительности тем не менее в силу того, что каждый крестьянин имел право на надел и получал его, сдерживал образование слоя крестьян, не имевших земли и своего хозяйства. Все это привело к тому, что именно крестьян-

* См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 190—191.

ское хозяйство было господствующей формой организации сельскохозяйственного производства*.

Следствием указанного положения было то, что в период крепостничества основная часть помещиков, ведущих собственное хозяйство и эксплуатировавших крестьян на барщине, не имела собственной производственно-технической базы (рабочий скот и сельскохозяйственные орудия) или она была крайне ограниченной. Помещики пользовались не только даровым трудом крепостных крестьян, но и их рабочим скотом, инвентарем и т. д. Тем самым не был накоплен опыт ведения хозяйства на основе собственной производственно-технической базы и эксплуатации лишленного средств производства крестьянства. Следовательно, помещичье хозяйство было не в состоянии быстро перестроиться на буржуазный лад после отмены в 1861 г. крепостного права. Сама эта неготовность, а также нежелание лишиться дарового крепостного труда, с одной стороны, обусловили сохранение после реформы не только привилегированного дворянского землевладения, но и целого ряда других факторов, связывающих крестьянское хозяйство с помещичьим (отрезки земли у крестьян, высокие выкупные платежи, право замены угодий и перенесения крестьянских усадеб, помещичья власть над деревней вплоть до сохранения телесных наказаний и т. п.), а с другой — потребовали переходного периода, необходимого для создания в помещичьем хозяйстве условий для буржуазной организации этого хозяйства. В результате и возникла отработочная система помещичьего хозяйства, во многом сохранявшая его крепостнические черты (крестьянин отрабатывал у помещика со своим рабочим скотом и инвентарем аренду земли и различные ссуды). В итоге крестьянское хозяйство оказалось под сильнейшим гнетом феодально-крепостнических пережитков, ограничивших потенциальные возможности его развития.

Обычно основное выражение этого гнета исследователи усматривают в отработках. Безусловно, отработки — сильнейшее проявление помещичьего гнета, наиболее очевидное по своей экономической неадекватности (компенсация трудовых затрат крестьян была здесь примерно вдвое ниже, чем при свободной продаже рабочей силы) и рутинности организации помещичьего хозяйства. Однако при незначительном объеме помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве гнет отработок не был столь тягостным для крестьян, как это представляется на первый взгляд.

* Иным в этом отношении было положение в западных районах, где отсутствовало уравнилельное общинное землепользование и поэтому существовал значительный слой безземельных и малоземельных крестьян, не имевших собственного хозяйства или ведущих его в крайне ограниченных размерах. См., например: Очерки экономической истории Латвии (1900—1917 гг.). Рига, 1968; Очерки экономической истории Латвии. 1860—1900. Рига, 1972; Ниедре О. Социальная структура крестьянства Прибалтики (в первое десятилетие XX века). Рига, 1986.

В самом деле, если бы в начале XX в. весь объем производства в помещичьем хозяйстве базировался бы на отработках, то и тогда, при том что на долю помещиков приходилось не более десятой части сельскохозяйственного производства, отработки не были бы для крестьян невыносимыми.

Вместе с тем, отработки, несмотря на их сокращение, сохранились вплоть до 1917 г. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. учет соотношения площадей посевов и количества рабочего скота показывает, что помещики могли обработать своим рабочим скотом в Европейской России только примерно две трети своих посевов*. Это свидетельствует о медленном развитии капитализма в помещичьем хозяйстве и широком распространении рутинных, полуфеодальных форм его организации в течение всей эпохи капитализма.

Значительно более мощным прессом, ограничивающим развитие крестьянского хозяйства, были те платежи, которые несло крестьянство за выкуп наделных, покупку и аренду помещичьих земель. Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд руб. выкупных платежей. С начала 60-х г. XIX в. до 1910 г. они затратили 2 млрд руб. на покупку помещичьих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн десятин земли. На это уходило ежегодно в конце XIX — первые годы XX в. примерно 150 млн руб., а в период столыпинской аграрной реформы не менее 250 млн руб. Следовательно, крестьяне за эпоху капитализма уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. В целом за период капитализма плата крестьян за землю превышала 10 млрд рублей. Это был мощнейший пресс, ограничивавший развитие крестьянского хозяйства. Громадные ресурсы были изъяты из производственной сферы, ибо помещики, которым досталась подавляющая часть этих средств, истратили их чаще всего непроизводительно.

Однако помещики паразитировали не только на развитии крестьянского хозяйства. Они получали также огромные ссуды под залог земель в акционерных земельных банках и Дворянском государственном земельном банке. К началу 1915 г. этими банками было выдано 3545,1 млн руб. ссуд**.

Наконец, привилегированное помещичье землевладение создавало общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру как для развития сельскохозяйственного производства, так и прогресса на основе буржуазных отношений народного хозяйства в целом. Тормозящая роль помещичьего землевладения и хозяйства приоб-

* Подсчет проделан по данным публикации: Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. СПб., 1916.

** Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С. 38—39.

рела наибольшую остроту в начале XX в. В это время развитие промышленного капитализма достигло высокого, монополистического уровня. На новый уровень вышло и развитие аграрного капитализма. В начале века происходило интенсивное формирование единого аграрного капиталистического рынка. Вслед за складыванием во второй половине XIX в. единого товарного рынка на основную сельскохозяйственную продукцию в начале XX в. в основном сложился единый рынок на средства производства и рабочую силу. Но для завершения формирования единого капиталистического аграрного рынка необходим был единый рынок на основное средство сельскохозяйственного производства — землю. Но в силу ограниченности этого рынка (из свободного товарного оборота были исключены наделные крестьянские земли, составлявшие в Европейской России по земельной переписи 1905 г. 138,8 млн дес. против 101,7 млн десятин частновладельческих земель)* и господства на нем привилегированного помещичьего землевладения, в начале XX века формирование этого рынка находилось лишь в самой начальной стадии**. С одной стороны, это препятствовало полному утверждению объективных законов рынка (закон стоимости, средней нормы прибыли и конкуренции) в сфере сельскохозяйственного производства. От этого страдало прежде всего крестьянство, ибо отсутствие единого земельного рынка приводило к тому, что в России арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли. Кроме учета цен на землю аренда включала в себя еще и экономически необоснованный налог землевладельца на арендатора, опирающийся на монополию на рынке и привилегии помещичьего землевладения и нужду крестьян в земле. Этим и обуславливались огромные затраты крестьян на аренду земли.

С другой стороны, неразвитость земельного рынка, задерживая складывание единой средней нормы прибыли в сельском хозяйстве, исключала формирование единой средней нормы прибыли и в народном хозяйстве страны в целом. Тем самым ограничивался свободный перелив капиталов из одной сферы в другую, что является непременным условием успешного производственного прогресса на основе законов рынка и буржуазных производственных отношений.

Как видим, помещичье хозяйство, несмотря на свой незначительный вес в сельскохозяйственном производстве, оказывало огромное и негативное по своему характеру воздействие на развитие и крестьянского хозяйства, и аграрной сферы, и народного хозяйства страны в целом.

Вместе с тем мощное давление на крестьянское хозяйство не сломило внутренних потенций прогрессирующего развития. Важ-

* Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1973. № 1. С. 59.

** См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974. Гл. 8.

нейшим показателем этого является весьма значительное расширение в пореформенной России земледельческого производства вообще и сбора зерновых культур и картофеля в особенности. Если в 70-х годах XIX в. среднегодовые валовые сборы зерновых составляли 243,4 млн четвертей, а картофеля 40,8 млн четвертей, а в переводе на зерно (при приравнивании 3 четвертей картофеля к 1 четверти зерна) — 257,0 млн четвертей, то в 1909—1913 гг. они равнялись 395,5 млн четвертей зерна и 168,2 млн четвертей картофеля, а в переводе — 451,6 млн четвертей*, то есть прирост валового сбора составлял 75,7 %. Он шел значительно быстрее, чем увеличение населения. Поэтому чистые сборы хлебов и картофеля выросли в это время с 2,68 до 3,53 четвертей на душу населения, то есть на 31,7 %. Это весьма значительный прогресс и он был всецело достигнут крестьянским хозяйством. Разумеется, это никоим образом не означало, что произошло и пропорциональное этому прогрессу улучшение положения крестьян. Основные его плоды достались господствующим классам и прежде всего помещикам. Ясно, что если бы крестьянское хозяйство было свободно от давления над ним экономического и другого гнета, то указанный прогресс был бы намного большим, и его плодами воспользовалось бы и крестьянство. Однако в существовавших условиях крестьянский тип аграрного капитализма не мог восторжествовать. Для этого было необходимо прежде всего устранение помещичьего

Что касается помещичьего хозяйства, то, несмотря на огромные ресурсы, которые оно извлекало из крестьянского хозяйства, и мощную экономическую и социально-политическую поддержку самодержавного господства, оно не только не смогло увеличить свой вклад в развитие сельскохозяйственного производства, но и при сократившихся размерах не достигло в целом производственно-технического превосходства над хозяйством крестьянским. Следовательно, помещичье хозяйство не могло определить исход борьбы двух путей буржуазной аграрной эволюции.

Таким образом, в пореформенную эпоху и помещичье и крестьянское хозяйство развивалось по пути капитализма, и к началу XX века буржуазные отношения играли и там и там ведущую роль. Однако уровень аграрного капитализма был низким и его развитие сочеталось с многочисленными полукрепостническими пережитками**.

* Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 284 (данные за 70-ые годы); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-ый. Пг., 1917. С. 8—34 (данные за 1909—1913 гг., подсчет).

** См.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.

В крестьянском хозяйстве господствующее положение занимал мелкотоварный уклад. Основой крестьянского хозяйства служил семейный труд. Собственно капиталистическое, фермерское хозяйство на наемном труде играло незначительную роль. Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его численности при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX — начале XX вв. По данным военно-конной переписи в 1888/91 гг. безлошадные и однолошадные дворы по губерниям Европейской России составляли 55,8 % всех дворов, а дворы с 4 и более лошадьми — 10,7 %. В 1912 г. это соотношение соответственно равнялось 63,8 % и 6,4 %. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. С другой стороны, неустойчивое положение зажиточного крестьянства ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров, порождало в деревне общее недовольство существующим положением.

В помещичьем хозяйстве господство буржуазных отношений сочеталось с сохранением многочисленных феодальных пережитков. Следствием этого было то, что в стране сформировался новый социальный слой, представители которого выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица одновременно были и капиталистами-аграриями и помещиками-полукрепостниками.

Альтернативный характер становления в стране аграрного капитализма порождал острейшую борьбу, охватывающую все классы и социальные слои и общественно-политические силы, а аграрно-крестьянский вопрос был основным вопросом общественной жизни в течение всей эпохи капитализма. И хотя объективно-исторические предпосылки для торжества «крестьянского» капитализма были несравненно более широко развитыми, чем капитализма «помещичьего», исход борьбы двух путей определялся соотношением социальных сил в этой борьбе. К началу XX в. обозначилась необходимость прямой «схватки» этих сил. В революции 1905—1907 гг. решался вопрос о создании условий, необходимых для победы крестьянского типа в буржуазном аграрном развитии. Но революция потерпела поражение, и такие условия не были созданы. Естественно, что помещики и самодержавное государство должны были предпринять усилия для укрепления своего господства и обеспечения главенства помещиков в аграрном строе страны и, в конечном счете, торжества консервативного типа буржуазной аграрной эволюции. Столыпинская аграрная реформа и должна была решить эту задачу.

^aВопрос о столыпинской аграрной реформе специально рассматривается в докладе профессора А.П. Корелина. Поэтому

здесь мы коснемся лишь вопросов о том, в какой мере эта реформа оказала воздействие на прогресс сельскохозяйственного производства и соотношение двух путей этого прогресса, каким мог бы быть ход аграрного развития, с одной стороны, в том случае, если бы были более продолжительными «мирные условия» ее реализации, и, с другой — в том случае, если бы этой реформы не было вообще^а.

Обобщенным показателем успехов в развитии сельскохозяйственного производства являются данные о сборах производимой продукции в расчете на душу населения. В земледелии эти сборы изменялись так (см. табл. 1)*:

Таблица 1

Чистые сборы зерновых культур и картофеля

Периоды	Сбор на душу четвертей	Среднегодовой прирост в % по отношению к предшествующему периоду
1871—1880	2,68	—
1881—1890	2,79	0,41
1891—1900	3,08	1,04
1909—1913	3,53	1,12**

Как видим, в начале XX в. темпы прогресса земледельческого производства повысились сравнительно с концом XIX в. (90-ые годы) очень несущественно — столыпинская реформа, охватившая вторую половину выделенного периода (1907—1913 гг.), не внесла радикальных изменений в развитие земледелия. Более того, абсолютные среднегодовые приросты валового сбора зерна и картофеля в это время даже сократились. Так, сравнительно с предыдущим периодом они составляли (в млн четвертей):

1881—1890 гг. — 4,4
 1891—1900 гг. — 6,7
 1900—1905 гг. — 8,9
 1909—1913 гг. — 6,2

Развитие скотоводства вообще характеризовалось четко выраженной тенденцией к сокращению поголовья скота. С середины XIX в. до 1914 года в Европейской России количество всего скота (в переводе на крупный) сократилось в расчете на душу населения с 0,7 до 0,5 голов***.

^{а-а} Зачеркнуто.

* С переводом, как указывалось, картофеля на зерно в пропорции 3:1.

** За 1901—1913 годы.

*** Историческая география СССР. М., 1973. С. 221.

Значит, в производственной сфере столыпинская реформа не принесла тех благотворных результатов, на которые рассчитывали реформаторы.

Посмотрим на социальные итоги реформы. Здесь, ^акак хорошо показано в докладе А.П. Корелина^а, надежды возлагались прежде всего на формирование в деревне мощного слоя зажиточных крестьян, хозяйства которых производили бы основную массу продукции.

В действительности реформа не устранила уже отмечавшегося выше сокращения в деревне слоя наиболее состоятельного крестьянства (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение в Европейской России различных слоев крестьянства (по данным об обеспеченности лошадьми)*

	1888 г.	1900 г.	1912 г.
Всего крестьянских дворов (тыс.)	9831,9	11119,4	13125,9
В том числе дворов (в %):			
безлошадных и однолошадных	55,8	59,6	63,8
с 2—3 лошадьми	33,5	31,4	29,8
с 4 и более лошадьми	10,7	9,0	6,4
Всего лошадей у крестьян (тыс.)	16911,7	16778,3	17643,8
В том числе во дворах (в %):			
однолошадных	16,6	20,0	23,9
с 2—3 лошадьми	45,3	47,8	50,1
с 4 и более лошадьми	38,1	32,2	26,0

Итак, доля зажиточного крестьянства в 1900—1912 г. сократилась более существенно (с 9,0 до 6,4 %), чем в 1888—1900 г. (с 10,7 до 9 %). Естественно, что изменилось и распределение лошадей по трем указанным группам. Доля лошадей у зажиточных крестьян сократилась с 1888 по 1900 г. на 15,5 %, а с 1900 по 1912 г. на 19,3 %. Сокращение числа лошадей у зажиточных крестьян свидетельствует о падении их роли в сельскохозяйственном производстве, ибо лошади оставались в течение всего рассматриваемого периода единственным энергетическим ресурсом (исключая рабочую силу крестьян). Как показывают имеющиеся данные, доля зажиточных слоев в земледельческом производстве примерно равнялась принадлежавшей им доле лошадей. В конце XIX в. (1888—1900 гг.) доля посевов зажиточных крестьян сокращалась с двух пятых до одной трети, а в начале XX в. (1900—1912 гг.) — с одной трети до одной четвертой общей их площади. Производственно-технический уровень хозяйства зажиточных

^{а-а} Зачеркнуто.

* Подсчеты по данным военно-конных переписей.

крестьян в начале XX в. несколько повысился. Они имели в среднем на двор голов лошадей в 1888 г. — 6,1, в 1900 г. — 5,2, в 1912 г. — 5,5. Таким образом, в целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замыслилось, но их роль даже заметно уменьшилась. Значит, еще до Первой мировой войны в своем главном аспекте реформа не достигла цели. В условиях непрерывного падения в сельскохозяйственном производстве роли помещичьего хозяйства это означало, что все возможности для торжества в аграрном строе «прусского», «помещичьего» капитализма объективно-исторически, несмотря на все усилия сторонников реформы, были исчерпаны. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что для торжества замыслов реформаторов не хватило мирного времени, являются необоснованными. Это подтверждается и моделью, имитирующей иные теоретические допустимые варианты хода аграрного развития.

^aЭто подтверждается и имитационной моделью, построенной по приведенным в таблице 2 данным в результате использования методов так называемых «марковских цепей»*. Суть метода состоит в том, что по имеющимся данным, охватывающим два или более временных момента, рассчитывается возможное значение показателей на следующий рубеж (см. табл. 3).

Таблица 3

Действительное и «возможное» соотношение типов крестьянских хозяйств в Европейской России**

	Типы хозяйств		
	Бедней- ший	Средний	Зажиточ- ный
Фактическая доля дворов (в %)			
1888 г.	58,8	33,5	10,7
1900 г.	59,6	31,4	9,0
1912 г.	63,8	29,9	6,4
Доля дворов по прогнозу (в %)			
От 1888—1900 гг. к 1912 г.	59,6	31,8	8,6
От 1900—1912 гг. к началу 20-х г.	66,4	28,1	5,5

* Марков — известный русский математик конца XIX — начала XX в., занимавшийся проблемами теории вероятностей и математической статистикой. Соответствующая обработка материалов на ЭВМ проведена в Московском университете Л.И. Бородинским, которому автор выражает свою благодарность.

** К беднейшим крестьянам отнесены безлошадные и однолошадные дворы, к средним — с 2—3 лошадьми, к зажиточным с 4 и более лошадьми.

Ситуация здесь (в плане возможной численности доли зажиточных дворов) была такой^а. Если допустить, что последующий после 1912 г.^а

Так, если допустить, что в последующий после 1912 года период развитие деревни протекало бы в таких же условиях как в 1900—1912 гг. (т. е. не было бы Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны), то в начале 20-х годов (точнее через 12 лет после 1912 г.) доля зажиточных дворов составляла бы 5,5 %, т. е. была бы еще меньше, чем в 1912 г. (6,4 %). Следовательно, само по себе наличие «мирного времени» не могло обеспечить успеха столыпинской реформе в аспекте создания в деревне мощной прослойки зажиточных крестьян, т. е. нет оснований утверждать, что реформе помешала война и т. д.

Весьма интересен и другой прогноз, а именно, расчет возможного соотношения различных типов крестьянских хозяйств в 1912 г. при том, что в 1900—1912 гг. условия развития деревни были примерно такими же как в 1888—1900 гг. т. е. при условии отсутствия столыпинской реформы. Тогда в 1912 г. доля зажиточных дворов составляла бы 8,6 %, т. е. существенно бы превышала действительную долю (6,4 %). Этот прогноз подтверждает раскрытое выше то положение, что именно развитие крестьянского хозяйства обеспечивало наиболее успешный ход аграрного развития и ликвидация помещичьего землевладения и хозяйства не только не затормозила бы этот прогресс, как считали сторонники помещичьего пути буржуазной аграрной эволюции, но и устранила бы препятствия для него.

Таким образом, и анализ фактического хода аграрного развития, и имитация ^аконтрфактических ситуаций^а его теоретически допустимых вариантов показывают, что столыпинская аграрная реформа в своем основном существе провалилась еще до Первой мировой войны. А это значит, что ходом исторического развития была снята возможность победы «прусского», помещичьего варианта аграрного капитализма. Объективно оставалась лишь возможность победы «американского», крестьянского типа аграрного капитализма. Однако и здесь ход аграрного развития в начале XX в. привел к ситуации, когда, уже в силу социально-политических причин, победа и этого типа становилась невозможной. Для торжества крестьянского пути буржуазной аграрной эволюции необходимо было устранение крепостнических пережитков и прежде всего ликвидация помещичьего землевладения. Но ликвидировать полуфеодальное помещичье землевладение, преимущественно дворянское по своей сословной принадлежности (примерно 70 % частновладельческих земель принадлежало дворянам), было невозможно не покушаясь и на буржуазную собственность и хозяйство. Как указывалось, сами помещики были одновременно и полукрепостниками и буржуазными предпри-

^{а-а} Зачеркнуто.

нимателями. Это последнее проявилось не только в том, что развитие помещичьего хозяйства подчинялось законам капиталистического производства, но и в том, что многие дворяне занимались предпринимательской деятельностью в области промышленности и банковском деле*. С другой стороны, значительная часть ссуд, полученных помещиками под залог земли, была выдана акционерными, буржуазными по своей природе, земельными банками. А примерно треть частновладельческих земель принадлежало не дворянам, а купцам, мещанам и крестьянам. Короче говоря, полуфеодальная и буржуазная собственность все более тесно переплетались. Поэтому нельзя было покушаясь на первую не затрагивать вторую.

В итоге решение буржуазных по своей сути задач, а именно, ликвидация помещичьего землевладения и связанных с ним других феодальных пережитков, становилось невозможным в условиях буржуазного строя. Эта задача могла быть решена не буржуазной, а социалистической революцией, передающей власть в руки трудящихся, а основные средства производства, включая землю, в общественную, народную собственность. Уже в начале XX в. это было очевидно и самим помещикам. Так в основных положениях по аграрному вопросу, принятых первым съездом уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: «Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т. д., т. е. к социалистическому строю»**. В данном случае представителям дворянства нельзя отказать в исторической проницательности.

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала совершенно очевидной в годы Первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что февральская революция 1917 г. не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказалась страна, было невозможно «не покидая почвы буржуазных отношений»***. Так ход исторического развития страны привел к необходимости социалистической революции, которая, проводя национализацию земли, т. е. решая буржуазно-демократическую задачу, вместе с тем открывала путь для движения к социализму.

* См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. М., 1979.

** Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 81.

*** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 37.

Таким образом, основной чертой в аграрном развитии России во второй половине XIX — начале XX в. была борьба двух путей буржуазной аграрной эволюции в условиях, когда объективно-исторически диктовалась потребность утверждения «американского», крестьянского типа аграрного капитализма, а господствующие классы, помещики и буржуазия во главе с самодержавием прилагали все усилия для торжества «прусского», помещичьего типа в буржуазном аграрном строе, хотя для этого и не было необходимых объективных предпосылок. В борьбе социально-классовых и общественно-политических сил ни одна сторона не смогла одержать победы, а затянувшийся ход этой борьбы привел к тому, что в начале XX в. решение буржуазных задач в буржуазных условиях вообще оказалось невозможным. Это подтвердила февральская революция 1917 г. Решить указанное противоречие могла лишь социалистическая революция. Тем самым особенности аграрного развития были одной из важнейших исторических предпосылок социалистической революции в России.

IX.1989^a

И. Ковальченко.

Машинописная копия с подписью автора.

¹ Доклад был подготовлен и прочтен на советско-японском симпозиуме, проходившем в г. Токио в октябре 1989 г. Под таким же названием доклад был представлен И.Д. Ковальченко на X Международном конгрессе экономической истории в г. Лувене (Бельгия) в 1990 г. Тезисы последнего опубликованы на английском языке: Comparative Economic History of Russia and Japan (the end of the 19th — Beginning of the 20th Century): Soviet-Japanese Joint Project / 10 International Congress of the Economic History. Leuven, 1990. P. 15—18. См. так же публикацию на украинском языке в издании: Проблеми історіографії та джерелознавства історії України. Видавництво ДДУ. 1991. Вип. 16. С. 157—172.